Отражение

Автор:
Анна Одувалова

Отражение

Анна Сергеевна Одувалова

Шесть лет назад я уехала отсюда, как думала, навсегда. Но пришлось вернуться и вновь встретится с собственными страхами. Лучшая подруга, друзья, а самое главное он… мой ночной кошмар, парень, смотреть в лицо которого слишком больно. Мы все храним секреты и не хотим ворошить прошлое или же… не все? Кто-то решил напомнить про одну страшную ночь. Он знает наши тайны и, похоже, даже немного больше. Он заставляет сомневаться в том, шесть лет назад произошел несчастный случай. А если так, под подозрение попадаем мы все. А еще мы не можем понять, нас преследует живой человек, рок или потусторонняя сущность, которая приложила руки к трагедии, произошедшей в тот день.

Анна Одувалова

Отражение

Пролог

Сегодня я стала взрослой. Вот так в один миг. Слетели розовые очки, разбилось в дребезги сердце, и заледенела душа. Может, это не взросление, а смерть? Оболочка двигается, дышит, но самой меня нет, просто окружающие пока не замечают.

Все делаю на автомате. Куда-то иду, качу за собой чемодан на колесиках. На носу солнечные очки в пол-лица. Они скрываю опухшие от слез веки и покрасневшие глаза.

Мир, словно в тумане. События происходят, будто не со мной. Я вижу все со стороны. Багаж, документы, латте в зоне вылета и посадка в самолет, который унесет меня в город, где я никогда не буду счастлива. Проблема в том, что теперь я не верю в счастье. Вообще.

Сижу у окна и наблюдаю за тем, как мелькает взлетная полоса, самолет набирает скорость и отрывается от земли, попадая в гущу облаков. Белое молоко за стеклом становится все плотнее, мы летим в каком-то безвременье. Я всматриваюсь, но не могу разобрать ничего. Ни домики, которые должны были стать крошечными, ни море, которое ненавижу. Туман подступает все ближе к иллюминаторам, сгущается и в нем можно угадать тени и силуэты. Они пугают, потому что кажутся знакомыми. Появившееся лицо – бледное с прозрачными мертвыми глазами заставляет вскрикнуть и отшатнуться, зажмурив на миг глаза. Я знаю, кому оно принадлежит. Сердце стучит сильнее, а дыхание учащается. Липкие ладони и пробирающая до костей дрожь.

– Этого не может быть… – шепчу, зажмурившись, наплевав на то, что подумают случайные попутчики. Открываю глаза. Лица за окном нет. Только густые облака и надпись пальцем на стекле. "Спаси меня, Есения".

Легкое прикосновение к плечу и я подпрыгиваю на месте, ремень врезается в живот, и я прихожу в себя окончательно.

– Девушка, вы кричали во сне, – с вежливой улыбкой говорит стюардесса. На ее красивом лице ни грамма осуждения, только участие. А вот мой сосед напуган.

Наплевать. Какая разница, что думают чужие люди? Мне сто лет не снился этот сон. Из-за него я перестала брать места возле иллюминатора. Думала, избавилась от кошмара. Но едва села в самолет, летящий в проклятый город моего детства, все повторилось. Не стоило сюда возвращаться.

Глава 1

Есения

Соленый, наполненный морской свежестью воздух бьет в лицо, едва я выхожу из салона самолета на улицу. Вдыхаю его полной грудью и чувствую приступ тошноты. Прошло шесть лет, а меня еще не отпустило.

– Хорошо-то как! – белозубо улыбается незнакомый парень. Он обгоняет меня на трапе самолета и бросает заинтересованный взгляд.

– Тоже отдыхать? – начинает разговор, не обращая внимания на то, что мы задерживаем движение. Люди спешат забить поджидающий внизу автобусик, словно это поможет быстрее преодолеть пятьсот метров до аэропорта. – Лучшее место на земле? Правда?

Он весел, предвкушает хорошее времяпрепровождение и уже настроен на курортный роман, но тут я ему не помощник.

– Ненавижу море, – признаюсь я и, обогнув его, спускаюсь с трапа, чтобы скрыться в уже заполненном автобусе. Осталось всего полчаса. Полчаса без внутренних демонов.

Мне все равно, что парень недоуменно смотрит мне вслед. Люди, которые не любят море, вызывают, как минимум, удивление. Я привыкла к этому. Все спрашивают: «Как ты можешь его не любить?» Просто они не знают, что море сотворило с моей жизнью, и что у меня забрало.

На автомате получаю багаж и выхожу из здания аэропорта под палящее солнце. До встречи с моим прошлым осталось несколько минут. Еще чуть-чуть и я увижу отражение моей любви. Точнее то, каким оно стало спустя шесть лет. Сердцу больно уже сейчас.

Он ждет меня под навесом, засунув руки в карманы светлых джинсовых шорт. Сердце начинает колотиться, как бешенное, но я одергиваю себя. Нет. Такая реакция не потому, что я вижу перед собой Дениса Ланцова. Никогда мое сердце не стучало из-за него, но я все равно с жадностью всматриваюсь в его лицо –

такое знакомое и в то же время чужое. Он стал еще мощнее, и сейчас возвышается надо мной, словно скала – сильные, со стальными мышцами руки, которые совсем не скрывает рубашка с коротким рукавом. Черные непослушные волосы сейчас короче, чем шесть лет назад, а взгляд увереннее. Мне очень сложно не рассматривать его с жадностью, а парень не просит перестать. Дает возможность изучить себя как следует, а потом делает шаг вперед и заключает в объятия со словами.

– Привет, Карамелька, давно не виделись.

Это как спусковой крючок. Я готовилась к встрече очень долго, но все равно не могу сдержать слез. Отстраняюсь и вытираю глаза руками.

– Прости, Дэн! Прости! Я так рада, что ты меня встретил!

– Не извиняйся, Есения, – тихо говорит он и отступает к машине, сразу оказавшись в тени, какой-то слишком уж густой. – Я прекрасно знаю, ты плачешь не обо мне.

– Да… – Я выдыхаю и надеваю на нос солнечные очки, чтобы скрыть слезы. – Я просто… просто… – слова найти нелегко.

– Я знаю, ты просто видишь сейчас не меня. Пойдем, мама очень тебя ждет.

– Постой? – Я хмурюсь. – Ты, что везешь меня к себе?

– Я везу тебя к родителям. – Он поворачивается ко мне и вопросительно приподнимает бровь. Такой знакомый жест, от которого ноги становятся ватными. – Не думаешь же ты, что я до сих пор живу с ними? И не думаешь же, что мама хоть на миг могла допустить, что ты будешь жить в гостинице?

– Но я…

– Не упрямься, Сень, она тебя очень любила и любит до сих пор. Сделай для нее эту малость, хорошо?

Я медленно киваю, рассматривая Дэна. На секунду кажется, что тень за его спиной живет своей жизнью, она ползет по асфальту и словно тянет ко мне руки. Зажмуриваюсь, открываю глаза и понимаю, что почудилось. Я просто устала. Даже не физически, дневной двухчасовой перелет не может сильно вымотать, морально. Мне тяжело далось решение приехать сюда и ожидание этой встречи. Парень открывает передо мной дверь массивного черного внедорожника, и я ныряю в прохладный салон на пассажирское сидение спереди.

– Хорошо.

Я киваю и понимаю, что город, откуда я сбежала шесть лет назад, сумел за первые десять минут моего пребывания в нем вывернуть наизнанку душу. Семью Ланцовых я знаю с детства. Сколько времени я провела в их доме – не сосчитать. Но да, возвращаться сюда мне очень тяжело, как и наблюдать за уверенно ведущим машину Денисом – возмужавшим отражением того, кого я безумно любила.

– Мамочка! А когда мы увидим море?

– Скоро, егоза! – улыбается мама, хотя и выглядит уставшей. Ночной перелет дает о себе знать, и только я свежа и бодра, потому что впереди меня ждет встреча с любимой бабушкой и море, о котором я почти успела забыть за год.

– Ты совсем большая, Есения! – начинает мама, и я серьезно киваю. Конечно, большая, мне почти семь лет и уже в сентябре я пойду в первый класс. – В этом году ты первый раз у бабушки останешься одна.

– Совсем одна? – испуганно спрашиваю я, и губа начинает дрожать. – А вы с папой?

– Зайчик, мы с папой работаем, а тебе нужно напитаться солнышком и надышаться морским воздухом. Но мы приедем в августе и почти целый месяц до школы будем все вместе.

Я грустнею. Сейчас самое начало мая. Когда мы улетали, в Москве было еще холодно, и только-только зацветала вишня. Мы с группой в садике ходили смотреть на первые цветы. А здесь лето. Но оно не радует, я не хочу оставаться

без мамы и уже скучаю по папе.

– Ну же, Есения, ты найдешь новых друзей! Отдохнешь и загоришь, и осенью в промозглой Москве еще будешь вспоминать о том, как тут было хорошо.

У бабушки большой, утопающий в зелени дом. На втором этаже живет она, и останавливаемся мы, а первый сдаёт отдыхающим, и тут всегда летом шумно, но мне нравится. Можно не чувствовать себя одинокой.

Мы вылезаем из машины и выходим на раскаленный солнцем асфальт. Здесь даже пахнет не так, как в городе – летом и отдыхом. Я уже забыла про то, что расстроена и бегу обниматься к бабушке, когда она выходит навстречу, а потом, пока они общаются с мамой на улице, спешу напитаться солнцем и новыми впечатлениями.

Двух темноволосых мальчишек – единственных детей в обозримом пространстве замечаю почти сразу – они гоняют мяч по лужайке соседнего дома – и замираю, как вкопанная, потому что они одинаковые. Подхожу ближе и с интересом рассматриваю их как диковинку.

– Привет! – кричу я. Они замирают, и сейчас я могу их хорошенько разглядеть. По моему лицу расползается улыбка. Они одинаковые и в тоже время разные. Это так здорово! – Как вас зовут?

– Денис и Андрей, – отзывается тот, кто справа и улыбается весьма дружелюбно.

– А кто есть кто?

– А какая разница? – бурчит другой. В его голосе нет злости, скорее, обреченность. – Все равно же будешь путать.

– Нет. – Я мотаю головой очень энергично, потому что мне нравится, как летают из стороны в сторону мои светлые хвостики. – Я вас не перепутаю.

По дороге мы молчим, лишь изредка настороженно друг на друга косимся. Каждое воспоминание об этом месте вызывает боль. Я помню дорогу из аэропорта, и хотя за последние шесть лет город изменился, он по-прежнему

узнаваем. Каждый раз этот путь был ниточкой, ведущей в настоящее лето. Мы с родителями ездили на такси или иногда бабушка просила кого-то из своих знакомых забрать нас. Последний раз в аэропорту меня встречали близнецы. Они уже тогда получили права и полчаса на парковке спорили, кто поведет машину, а я беззаботно смеялась, не зная, что этот мой последний год на море закончится трагедией. Сейчас я завидую себе прошлой – тому счастью, легкости и вере в то, что все будет хорошо, а мы не потеряем друг друга.

Когда-то я безумно любила этот город и не представляла жизнь без него. Сейчас же не знаю, как выдержать несколько предстоящих недель. Черный, тонированный внедорожник, в салоне которого прохладно, везет меня к болезненным воспоминаниями, которые я поклялась не бередить. От них я сбежала в Москву шесть лет назад, поступила в университет, и жила спокойно пока вдруг не оказалось, что бабушкин дом, который она подарила мне, нужно выставить на продажу.

«Есения, ты не хочешь возвращаться к морю, бабушке уже тяжело заниматься гостевым домом, а полагаться на порядочность арендаторов, сама знаешь, не всегда стоит. Хорошо, что пока нам помогают Ланцовы, но стоит признать, если недвижимость никому не нужна, может, имеет смысл ее продать? Ты сейчас свободна, как раз уволилась, вот и съезди на лето, уладь дела, встреться с друзьями. Прошло шесть лет, ты справишься, дочка».

Для них шесть лет – срок, а для меня? Я словно и не уезжала. Этот город невероятно глубоко въелся мне под кожу и отравил мою жизнь.

– Ты надолго? – наконец разрушает тишину Дэн.

– Не знаю. – Я пожимаю плечами. – Мама как всегда надеется, что я тут напитаюсь солнышком, отдохну. Короче, не ждет быстро. Но ты же понимаешь, отдохнуть не получится…поэтому постараюсь уладить дела как можно быстрее.

– Зря ты так про отдых. Есения, город не виноват в том, что в нем иногда умирают люди, а море тут по-прежнему отличное.

– Я никогда не зайду больше в море, и ты это прекрасно знаешь, – отзываюсь я и поворачиваюсь к окну, за которым мелькают персиковые деревья и аккуратные, уже заполненные туристами улицы. Город, и правда, ни в чем не виноват, в

отличие от меня.

– Нельзя так, Карамелька. Нам всем было тяжело, но мы научились жить дальше, – глухо отзывается Дэн. Его голос изменился, стал ниже, увереннее. Да и сам он…знаю, нельзя так думать, но Денис словно впитал лучшие черты и себя, и своего брата-близнеца Андрея, только вот… на его лице нет безбашенной улыбки такой, которая не сходила с лица брата.

– Я тоже научилась, – отзываюсь я. – Только не здесь, не в этом месте. Вот и все.

Перед встречей с его мамой я волнуюсь. Она всегда была добра ко мне и никогда не винила в случившемся, но я оказалась неблагодарной. Я сбежала шесть лет назад и вычеркнула всех, оставшихся здесь, из своей жизни. Кроме, бабушки, конечно. Но она тоже сейчас больше времени проводит в Подмосковье, ближе к нам, хотя и тоскует по южному солнцу.

– Как дела у твоих родителей? – спрашиваю я, и этот вопрос дается с трудом. Особенно виноватой я чувствую себя перед ними.

– Тогда или сейчас?

– Вообще…

– Они смогли пережить. Не сразу, конечно, но смогли… мы все смирились с потерей. Какое-то время мама ждала от тебя вестей… – В голосе Дэна звучит укор. Что же я его ждала, и этот укор справедлив.

– Знаю. – Я закрываю лицо руками. – Ты считаешь, я предала вас всех, когда уехала? Что должна была остаться и справляться с потерей вместе с вами?

Я сама об этом думала много раз, но тогда в свои восемнадцать поступила эгоистично и выбрала себя и собственное спокойствие. Тогда казалось, если боль такая сильная, что не можешь с ней справиться, нужно сделать вид, будто ее нет и вычеркнуть все, что может заставить ее вернуться. Права ли я была? Кто знает?

– Нет, Есения. Это не так, – Дэн качает головой. – У тебя тогда был выбор, у нас нет.

– Я, правда, не могла больше тут оставаться.

– Но ты могла хотя бы написать.

– Вашим родителям? Ты же знаешь, почему я побоялась это сделать.

– Ты могла бы написать мне, – тихо отвечает он и поворачивает голову. Я рада, что на Дэне солнечные очки. Не хочу смотреть в его глаза и видеть в них боль и укор. – Я, знаешь ли, наивный идиот, думал, что, несмотря на твою любовь с моим братом, наша дружба не пустой звук. И мне тоже было очень тяжело, но ведь я не умер, Есения. И я нуждался в твоей поддержке. Почему ты не писала? Всегда воспринимала меня как тень Андрея?

– Прости…

Мне, правда, больше нечего сказать. Слова Дениса выворачивают наизнанку. Мне от них плохо, потому что они правдивы? И да, и нет. Мне сложно сейчас объяснить свои чувства. Даже спустя шесть лет я не до конца в них разобралась.

– Не извиняйся. Прошло много времени, и я давно все отпустил. Сейчас мне просто интересно.

– Я не могла общаться с тобой и не вспоминать о нем… знаю, это глупо, – наконец признаюсь я. Эта версия ближе всего к правде. Мне до сих пор больно смотреть на Дэна. Знаю, неправильно видеть Андрея на его месте и гадать, как бы сложилась наша судьба. Но у них одно лицо на двоих так было всегда. Нельзя видеть одного и не думать о другом. Вряд ли Дэн это поймет. Точнее вряд ли поймет, что это значит для меня.

– Нет. Это не глупо, – отвечает он мне. – Но обидно, не буду скрывать.

– Я ничего не могу сейчас изменить. Тогда я сделала такой выбор. Возможно, неправильный. Не знаю.

– Да, не можешь. – Он не стал спорить. – А Полина? Ведь ей ты тоже не писала. А она не похожа на Андрея, как две капли воды.

– Как и она – мне, – жестко замечаю я и отворачиваюсь к окну. О лучшей подруге вспоминать не хочется. Если перед Дэном я чувствовала себя виноватой, то перед ней – нет.

– Ладно, – сдается парень, понимая, что я не скажу ему ничего. – Давай не будем ворошить прошлое. Хорошо? Ты приехала, и мама, правда, рада. Лучше поздно, чем никогда. Расскажи, как у тебя дела.

– Как? – Я пожимаю плечами. – Выучилась, пошла работать, работала, уволилась, еду сюда. Вот пересказ моих последних шести лет. Ничего интересного.

– Парень? Муж? Или я лезу в личную жизнь? Не хочешь, не отвечай.

– Да почему? Нет ее, личной жизни.

– Ты…

– Нет, Дэн, я не оставалась одна шесть лет. Конечно, были парни, но… ничего серьезного.

Я не говорю, что их было всего два и ни с одним мы не продвинулись вообще никуда. Шесть лет назад я просто сломалась. И не уверена, что готова к тому, что меня кто-нибудь починит. Я не подпускаю к себе никого и не хочу эту ситуацию менять. Слишком рано я осознала – любить очень больно.

– А у тебя как? Жена-дети… – перевожу я разговор с себя на него и, с замиранием сердца жду ответ.

– Вот ты меня сейчас даже испугала перспективами, – смеется он. – Нет. Ни жены, ни детей. И не смотри на меня так! Я слишком молод, чтобы связывать себя узами брака.

– Тебе скоро двадцать пять, – укоризненно сообщаю я.

– Хочешь сказать, не так уж и молод?

Я только криво улыбаюсь и облегченно выдыхаю, чувствуя, что напряжение от встречи с ним немного спало. Главное теперь пережить общение с Ириной Алексеевной.

У меня отлегает от сердца, когда я вижу мать Дэна, которая встречает нас у ворот. Она обхватила себя руками, и я вижу, что женщина нервничает. Я с жадностью всматриваюсь в черты ее лица и выдыхаю. Она почти не изменилась за шесть лет. Разве что немного похудела, и это делает ее фигуру подтянутой и более молодой.

Русые волосы, заколоты – в такую жару с распущенными ходят только самоубийцы и туристы.

Выхожу из машины и спешу к ней навстречу. Интересно, какой раз за сегодня я плачу? На ее глазах тоже слезы.

– Есения, какой же красивой ты стала! – говорит она с восторгом и обнимает. – Выросла и похорошела. Не думай, ты и раньше была хорошенькой, но сейчас…

– Вы тоже замечательно выглядите, Ирина Алексеевна, – возвращаю я комплимент.

– Пошли в дом, будем пить кофе. У нас новая беседка. Оттуда вид на море, – делится она, словно, и не было разлуки. Долгих лет, за которые я даже не написала ни слова.

Я не хочу смотреть на море, но согласно киваю, а Ирина Алексеевна кричит.

– Денис, а тебе нужно отдельное приглашение? Что ты там сидишь?

– Ну мам, вообще-то, я работаю.

– И что? – удивляется она. – И куда сбежит твоя работа? Если им понадобится начальник, неужели не позвонят?

– Позвонят, но…

– Денис, ты не видел Есению шесть лет, пойдем, посидишь с нами. Переживет работа без тебя.

Денис вздыхает и послушано двигается в нашу сторону, захватив мой чемодан. Вот так просто. Словно и не было шести лет. Можно закрыть глаза и помечтать, только вот Денис один, а это в корне неправильно. Их с Андреем нельзя представить друг без друга.

Осознав это в который раз, я начинаю испытывать угрызения совести. Пытаясь заглушить свою боль шесть лет назад, я не думала о том, как плохо было этой семье, Дэну потерявшему брата. Матери, которая лишилась сына.

Дэн

Я не хочу пить дурацкий кофе в их компании. Мне просто нужно уехать на работу и ненадолго переключить внимание. Я до сих пор не могу разобраться со своим отношением к Есении – ненависть, любовь…дружба. Я сказал ей, что простил и рад, что она приехала, но это не так. Не только я вызываю у нее болезненные воспоминания, но и она у меня.

Поэтому я пью кофе, намеренно зависаю в телефоне и при первом удобном случае сбегаю. С уличной полуденной жары в прохладу офисного помещения. Выдыхаю только у себя за рабочим столом. Здесь в окружении привычных вещей, людей и четких рабочих задач становится легче.

Я давно смирился со всем. Сначала с тем, что Есения выбрала Андрея, точнее она и не выбирала. Они как-то естественно превратились в пару, а я остался просто другом. Я пережил смерть брата и то, что она ни разу за шесть лет мне не написала. Несмотря на мои претензии, я лучше, чем она думает, понимаю причины. Я тоже не хотел общаться. Возможно, тоже чувствовал себя виноватым. Ее приезд разбередил старые раны. Но я знаю, что возьму себя в руки, так происходит всегда. Нужно просто немного времени и одиночество.

Ближе к концу рабочего дня, нажимаю кнопку вызова секретарши и прошу.

– Лид, сделай кофе.

Через пять минут в дверях с чашкой появляется не Лида, а Женя. Моя бывшая помощница, которую я отослал в другой отдел, чтобы не мозолила глаза. Знаю, поступил неправильно, но она утомляет и в постели хоть и старательна, но так себе.

– Ты что здесь делаешь? – спрашиваю не очень довольно и вежливо.

В оленьих глазах мелькает боль, и я мысленно матерюсь. Безответно влюбленных женщин нельзя держать рядом, нужно безжалостно вычеркивать их из своей жизни, но Женя… она не уходит. Несмотря ни на что.

– Я просто зашла. Там прислали приглашение на вечеринку… – тихо произносит она. – Думаю и тебе тоже.

– Ну и? – Действительно Темка еще с утра звонил, но я был слишком занят приездом Есении и не дал ему никакого ответа.

– Это день рождения Артема, ты пойдешь?

– Не думаю, – отзываюсь я. – А ты?

– Если ты не пойдешь, то и я останусь дома, – признается она и опускает глаза. Меня давно достала эта показная скромности и невыразительная внешность. – Я думала, может, мы…

– Жень, нет нас… – начинаю я в сотый раз.

– Да, знаю. – Она улыбается почти безмятежно. – И никогда не было.

– Именно.

Она бесшумно исчезает, оставив чашку с кофе, а я подхожу к окну. Когда умер Андрей, я остался один. Брат был моим лучшим другом, понимал с полуслова. Все остальные – общие приятели. Они не способны поддержать в горе и хотя бы немного понять мои чувства. Никто не мог, даже родители. Есения тоже уехала,

а Женька – влюбленная безответно нескладная девчонка на год младше – была рядом. Когда я неделю рыдал и не хотел жить, когда пил до беспамятства, когда менял подружек, тусовки и клубы. Неизменной в моей жизни оставалась она – преданная, как болонка, и неинтересная.

Я сразу сказал ей, что она не в моем вкусе, я ее не полюблю и могу предложить только дружбу. Она согласилась, даже когда к дружбе добавился секс. Пару лет мы были вместе. Если можно назвать «вместе» отношения, в которых я делал то, что хотел, а она меня ждала. У меня были другие женщины, я строил бизнес, а Женя оставалась другом, с которым я спал, когда больше не с кем. В этих отношениях проявилась поганая часть моей натуры. Даже самый порядочный мужчина может превратиться в последнюю скотину, если ему позволить. А у меня изначально с порядочностью напряженка.

Спустя какое-то время, мне стало совсем тошно, и я официально порвал с ней. Она рыдала и не смогла начать новую жизнь. Женя снова пришла ко мне, согласная на любые условия. Работала со мной и всегда была рядом, когда нужна. Именно поэтому я отослал ее в другой филиал. Побоялся, что в один момент она окажется единственной постоянной женщиной в моем окружении, готовой прощать все и ждать, и я…что сделаю? Женюсь? Это глупо и в тоже время реально. Я думал об этом. Она стала бы хорошей матерью моим детям. Никогда бы не предала и ничего не требовала бы взамен. Это было бы удобно, скучно и мучительно.

Последние два года мы почти не общались. Я понял, что так будет лучше и для нее, и для меня. Но она иногда приходила, и иногда я ее не прогонял. Например, на корпоративе перед Новым годом. Мы снова проснулись в одной кровати, и я в очередной раз обещал себе, что больше не поведусь. Но… сегодня я бы пошел с ней на вечеринку, и она закончилась бы у нее дома. Почему же отказался? Ответ очевиден. Именно поэтому я набираю номер на телефоне, и, услышав мелодичное «Да», спрашиваю:

– Есень, какие у тебя планы на вечер?

Глава 2

Есения

– Какие у тебя планы на вечер? – Этот вопрос выбивает из колеи. Никаких, конечно же. Но стоит ли об этом говорить Дэну? Ведь за таким вопросом обычно следует приглашение, поэтому я молчу. Но он слишком хорошо меня знает. Конечно, шесть лет не прошли бесследно, но я не изменилась полностью, поэтому Дэн правильно расценивает тишину в трубке и продолжает:

– Сегодня будет неформальное мероприятие. День рождения одного из моих приятелей – Артема Петрова. Он учился со мной и Андреем в параллельных классах, ну и сейчас мы часто пересекаемся по работе…

– Я его почти не знаю…

– Зато ты знаешь многих из гостей.

– Не уверена, что хочу и будет удобно, – отзываюсь я с сомнением и борюсь с желанием забраться с головой под одеяло.

– Есень, это вечеринка, на которой соберется много народа. Одним больше, одним меньше – кого это волнует? Музыка, коктейли, люди которых ты не видела долгое время и с которыми раньше дружила. Разве плохо просто отдохнуть и расслабиться? Или ты устала с дороги?

– Да нет, не устала. Меньше двух часов в самолете способна выдержать. – Я невольно усмехаюсь и думаю над его предложением.

– А Поля будет? – вырывается почти случайно.

– Не знаю. Она вроде бы в Австрии. Должна вернуться к выходным. Или уже вернулась? Не помню. Но планировала быть Светка. Вы ведь втроем общались, насколько я помню?

– Да… – тяну я. Поли не будет уже хорошо, а Светка… пожалуй, она та, кого я была бы действительно рада видеть. Дэн не знал об этом, но Света – единственная, с кем я периодически переписывалась в вк, и чей инстаграм отслеживала до сих пор.

– Ну, так как?

– Хорошо, – медленно произношу я. – Уговорил.

– Вот и замечательно, – отзывается Дэн. – Заеду за тобой в восемь.

Я отключаюсь и почти сразу жалею о согласии. Звонок Дэна меня разбудил. Я легла подремать и отключилась до пяти вечера. Даже не рассмотрев комнату и не разобрав чемодан, и в итоге до вечеринки остается немного времени. Придется поспешить, если я хочу выглядеть прилично.

Прежде чем разбирать чемодан, я не могу удержаться, подхожу к окну и смотрю вниз, на крышу дома, в котором выросла. Он находится совсем близко. Нас разделяет неширокая полоска газона и металлический забор с красиво выложенными кирпичными столбами. Наш дом меньше чем особняк Ланцовых – всего два этажа и сейчас я вижу крышу и балкончики, на которых вывешены вещи: полотенца, яркие купальники. Наши управляющие живут в одной комнате на первом этаже, а все остальное сдают. Народу много, и это та причина, почему я не захотела остановиться в доме, где прошло мое детство. Я помню его совсем другим.

Как ни странно, на дом смотреть не так тяжело, как на людей. Я не испытываю тоску от того, что в моей комнате живут посторонние отдыхающие. Думала, будет хуже.

С домом Ланцовых тоже связано очень много воспоминаний. Я благодарна Ирине за то, что она поселила меня не на втором этаже. Не там, где находились комнаты братьев. Я бывала в этом доме не единожды. И иногда совершала нереально глупые вещи.

Я до сих пор не уверена, что ехать на вечеринку с Дэном хорошая идея. Но и отказаться неправильно. Он был моим другом, а я вычеркнула его из жизни. Свела на нет все общение. Как и с остальными. Я в долгу перед ним. Прийти на вечеринку, выпить пару коктейлей и сказать всем «привет» – это меньшее, что я могу сделать, вернувшись через шесть лет.

Ванна наливается быстро, и я погружаюсь в воду. У меня есть пятнадцать минут, чтобы расслабиться. Горячая вода мне всегда помогла лучше всего. Закрываю

глаза и гоню от себя воспоминания. Это сделать несложно, когда не видишь ничего вокруг. Так просто представить, что снова в безликой московской квартире. В тишине и одиночестве. Там все привычно и безопасно.

Не понимаю, в какой момент погружаюсь глубже. Вода достигает подбородка, а потом начинает душить. Попадает в рот, нос, уши. Я трепыхаюсь, но почему-не могу вынырнуть, словно кто-то удерживает меня под водой. Испуганно распахиваю глаза, оказавшись в кромешной темноте. Передо мной только черная вода, которая заполняет легкие. Я не могу дышать, перед глазами начинают плыть круги, и в них я вижу лицо. Андрей. Она напуган, и протягивает ко мне руки. Я инстинктивно тянусь к нему в ответ и… выныриваю.

Вода льется на пол ванной, легкие жжет, и я не могу отдышаться. Не понимаю, что произошло. Я чуть не утонула в ванной? Серьезно? Как я могла уснуть? Такого со мной никогда не было! Это какой-то бред.

Чтобы прийти в себя требуется время. Я привожу в порядок дыхание, вылезаю из ванной и непривычно долго привожу себя в порядок, запрещая думать о том, что просто таким образом успокаиваюсь. Идти уже совершенно точно никуда не хочу. Но я обещала Дэну, а значит должна. Вопрос один – что надеть и как перестать думать о том, что чуть не утонула в ванной. Самая нелепая смерть.

К счастью, в моем гардеробе есть платья и шпильки. Я ничего не изобретаю. Собираю волосы в высокий хвост, чтобы они не липли к шее, и надеваю короткое черное платье на тонких бретельках. Оно приятно прилегает к телу, не обтягивает, словно чулок, но фигуру обрисовывает. К нему достаю босоножки на высоком каблуке.

Собираюсь как раз вовремя. Даже остается время попить кофе с Ириной Алексеевной и приехавшим с работы Игорем Дмитриевичем – отцом Дэна. О случившемся стараюсь не думать. Я до сих пор не могу понять, что произошло. Я уснула? Ненадолго потеряла сознание? А если бы я не увидела в странном сне Андрея, случилось бы непоправимое? Руки подрагивают до сих пор, но я стараюсь не обращать на это внимание. И уж точно не собираюсь никому говорить о случившемся.

Спускаюсь по лестнице на второй этаж и замираю в биллиардной. Наверное, мне стоит идти дальше, но я не могу. Прохожу через просторное помещение со

столом, затянутым зеленым сукном. Через приоткрытую дверь выхожу на балкончик и погружаюсь в воспоминания. Я не могу пересчитать все поцелуи, которые случились в этих стенах. Поэтому мне немного горько от того, что я вспоминаю именно этот поцелуй. Неправильный, после самой первой нашей ссоры с Андреем. Я тогда не выдержала первая и пробралась в темный дом по лестнице, ведущей на этот балкончик, и сразу же угодила в сильные объятия. От воспоминаний даже сейчас по плечам пробежали мурашки.

– Привет… искала тебя, – шепчу я несмело, обхватываю руками за шею и чувствую, как тело Андрея напрягается рядом со мной. Он удерживает меня за талию и пытается отстраниться, но я не позволяю, прижимаюсь сильнее и ловлю его лицо в свои ладони.

На улице так темно, что я вижу лишь отблески глаз, резко очерченные губы и глубокие тени от ресниц на щеках. Он пахнет бергамотом и совсем немного сигаретным дымом – такие волнующие, будоражащие воображение запахи.

– Карамелька…– выдыхает он с сомнением. Чувствую, что хочет меня оттолкнуть, но не позволяю.

– Не уходи, – еще раз шепчу я и тянусь губами к губами.

Целую медленно, неторопливо, поддразнивая. Преодолеваю сопротивление, и вот сжатые в плотную линию губы становятся мягкими, а руки на моей талии стискивают сильнее, опускаясь ниже. Так откровенно, волнующе и необычно. Обычно, наши поцелуи чуть скромнее.

Парень прислоняет меня к стене. Его ладонь упирается в стену у моей головы, а сам он прижимается вплотную. Я чувствую сильное тело и напряженные мышцы. Горячее дыхание обжигает.

Губы уверенные, но в то же время, удивительно мягкие, и я закрываю глаза, полностью погружаясь в ощущения нежности и медленно затапливающей страсти. Она идет от кончиков пальцев ног обжигающей волной к губам, которые уже покалывает от поцелуя.

Уверенные, смелые касания, заставляют сходить с ума, а когда он легонько прикусывает мою нижнюю губу, я вздрагиваю – удовольствие слишком острое,

чтобы быть правдой. Тянусь ближе, прижимаюсь сильнее и проталкиваю язык между уверенных губ, чтобы поймать хриплый стон в ответ на мои действия. Я готова целоваться с ним тут до рассвета, поэтому что-то протестующе бормочу, когда парень отстраняется.

– Уже поздно, – выдыхает он мне в губы и с сожалением отстраняется. – Родители еще не спят. Тебе лучше уйти. Поговорим завтра. Хорошо? – нежно произносит он и ведет большим пальцем по моей скуле, опускает к губам и на секунду задерживает, лаская подушечкой, а потом отступает в темноту.

– Пока, Андрей… – шепчу я и сбегаю по металлической лестнице вниз, а он еще долго смотрит мне вслед с балкона. Это самый волнующий поцелуй в моей жизни, и мне кажется, мы будем с Андреем вместе вечно. Я не знаю, что срок нашей любви меньше, чем два года.

Черт! Я снова плачу! Как хорошо, что макияжа на мне нет. Точнее, его так просто не испортить. Покрашенные брови, искусственные ресницы. Мне все безразлично мнение поборников естественной красоты. Когда на улице плюс тридцать выбора не особо много: разводы туши, полное отсутствие макияжа или ненатуральная красота. Я выбираю третий вариант. Выдыхаю и подставляю лицо свежему ветру. Он приносит запах моря, который я так сильно ненавижу, но вынуждена терпеть. Прежде чем спускаться вниз, нужно высушить слезы.

– Есень? – слышу голос за спиной и оборачиваюсь.

У входа на балкон застыл Денис. Он подпирает плечом косяк и задумчиво смотрит на меня. А у меня сердце бешено подскакивает в груди, словно он застиг меня на месте преступления.

–Да? – Я стараюсь выглядеть спокойной, но выдает дрогнувший голос.

Парень хмурится, но потом покойно спрашивает.

– Ты что?

– Да так просто… – Качаю головой и тихо говорю: – Ностальгирую.

– Там папа мечтает с тобой хотя бы поздороваться.

– Ой, прости. – Сокрушенно качаю головой. – Я планировала выпить с ними кофе, но уже, наверное, не успеваю.

– Уже, наверное, да,– замечает Дэн, бросив взгляд на часы. – Но если хочешь, можем немного задержаться. Уверен, никто нас не осудит.

– Нет. Опаздывать тоже невежливо. Просто, значит, поздороваюсь с твоим папой, а кофе попью с ним завтра.

Сейчас Дэн за рулем маленькой спортивной машины. Красной, с открытым верхом. Давно мы втроем мечтали, когда вырастем, ездить исключительно на таких. Жаль, мечту смог исполнить только Дэн. Я еще не заработала, да и купе при коротком лете средней полосы России не актуально, а Андрей… если бы он был жив, думаю, за рулем этой машины сидел бы именно он. По мне, внедорожник подходил Денису больше – такой же массивный, неторопливый и надежный. Красная же спортивная машинка открывала неизвестные мне черты его характера, те, которые раньше я замечала только в Андрее. Именно они заставляли терять голову. Его сумасшедшая бесшабашность и энергия, бьющая через край. Андрей мог добиться чего угодно и кого угодно.

Отгоняю от себя мысли и заставляю завести разговор с Дэном. Прошлое жалит, слишком часто за последний день я в него возвращаюсь.

– Глупо ведь надеяться, что вечеринка не там, где терраса выходит на море? – с тоской спрашиваю я.

– Глупо, – согласно кивает он. – Но уже почти стемнело. Видеть ты море не будешь.

– Я его буду нюхать, и слышать. – Я недовольно хмурюсь и пытаюсь не пялиться на спутника. Не хочу потом объяснять, кого именно сейчас вижу. У Дэна легкий, ненавязчивый парфюм, но вместе с тем очень мужской, приятный. От него кружится голова, и сердце начинает стучать быстрее. Сам парень в белой рубашке с коротким рукавом, которая замечательно оттеняет его бронзовый загар, и в черных брюках. Близнецы всегда были красивы. И кроме красоты, в них присутствовало что-то неуловимо-притягательное. Мужская харизма?

Уверенность и что-то еще, на что неизменно клюют все девчонки.

Дэн за шесть лет стал мужественнее и, пожалуй, еще притягательнее. Только в глазах поселилась боль, а между бровями наметилась морщинка. Он сейчас редко улыбался, как и я.

Говорить тяжело. Между нами неловкое молчание, но к счастью, ехать недалеко. Дэн паркуется перед стоящим на побережье двухэтажным домом с бассейном. Музыка слышится уже отсюда, а на отрытой террасе видно, что собралось много людей.

– Не волнуйся, Есения! – тепло говорит мне парень, заметив растерянный взгляд. – Просто расслабься и получи удовольствие.

– Хороший совет. – Я пытаюсь улыбаться, выкидываю все плохие мысли, следом за ним захожу в дом, и тут же попадаю в чьи-то объятия.

– Карамелька! – вопит Мишка, с которым я училась с восьмого по одиннадцатый класс. Мама с папой тогда работали в Германии, а я решила закончить в школу в России и жила четыре года у бабушки. Именно тогда я окончательно сблизилась с братьями и их друзьями. С Мишкой мы общались мало, но сейчас он пьян и рад меня видеть. Говорили, что он был в меня влюблен, но никто даже не пытался соперничать с Андреем Ланцовым. Даже его брат. Поэтому я об этой влюбленности только слышала.

– Есения? – К нам подходит высокая брюнетка. Увидев меня в Пашниных объятиях, она сначала хмурится, а потом на ее губах расцветает радостная улыбка. – Сенька!

Я не сразу узнаю одноклассницу Таньку, которая в школьные годы была скромной и худенькой русоволосой девочкой, а никак не роскошной женщиной вамп.

– Тань! Тебя не узнать!

Я еще не успела войти, а уже рада, что приняла приглашение. Это просто филиал встречи одноклассников. Впрочем, неудивительно. Мы все жили в одном

районе, много общались. Те, кто не разъехался, так или иначе поддерживали связь.

Пока общаюсь с Таней и Пашей, которые теперь вместе, Дэна уже берет в оборот длинноногая красивая девушка. Одна из немногих, кто мне незнаком. Она подходит слишком близко для случайной знакомой и теребит сейчас пуговицу на его рубашке. Дэн лениво улыбается, и стоит, засунув руки в карманы. Уверенная, расслабленная поза. Мне не нужно гадать. Видно, он с ней спал. Но сейчас девушка не сильно его волнует. Ему приятно ее общество, и возможно он уехал бы с ней, но не сегодня. Так как сегодня он повезет домой меня. За это я особенно ценю его дружбу. В каких бы романтических отношениях не состоял Дэн, он отдвигал всех девушек, если нужно прийти на помощь мне. Прошло шесть лет, и мы отдалились. Но я до сих пор знала, что могу на него положиться. А значит, у длинноногой соблазнительницы сегодня нет шансов. Интересно, почему мне это так нравится? Ведь Дэн никогда не был моим.

На этой вечеринке действительно большинство присутствующих мне знакомы. Некоторых я знаю неплохо, а кого-то только в лицо. В любом случае я не чувствую себя чужой.

Здесь нет совсем близких друзей, перед которыми я испытываю вину, как перед Дэном. А с приятелями можно за бокальчиком вина обсудить последние шесть лет и изменения в жизни. По сути, не так много людей, с которыми я не хочу встречаться. В моем списке Поля, Дэн и, возможно, Игорь. Единственный парень, кроме близнецов, с которым меня когда-то связывало нечто большее, чем общая компания. Но с Дэном меня свела неизбежность, а остальных сегодня нет, зато я нашла Светку.

Она почти не изменилась. Те же рыжие волосы и оливковая кожа. Она такая же спортивная и подтянутая, как и раньше, хотя я слышала, что два года назад она родила близнецов. Там в далекой Москве я даже не спросила от кого. А ведь, скорее всего, ее мужа я тоже знаю.

Светка стоит у бара, притопывает в такт музыке ногой и пьет коктейль.

– Привет… – Я останавливаюсь у нее за спиной. Подруга поворачивается, и на ее лице меняются удивление, недоумение и осторожная радость.

– Сенька… – шепчет она. – Ты приехала! Почему ничего не сказала? Я бы тебя встретила! И Полька отсыпается с дороги, если бы она знала, то явилась бы.

Этого еще не хватает. Видимо, чувства мелькают у меня на лице. Потому что Светка хмурится.

– Да что между вами произошло?

– Ничего, – вру я. – Дело прошлое.

Я усаживаюсь на стул рядом с ней.

– Расскажи лучше, как у тебя дела. Я тут с Дэном. Наверное, нехорошо не поздравить именинника, но признаться, даже не знаю, где он. Да и не уверена, что в толпе его узнаю.

– Не переживай, он смирится, – лениво отмахивается Светка. – Тут столько народа, что поздравлений ему хватит с избытком.

– Да как-то нехорошо. Явилась без приглашения и даже не подошла.

– Хорошо, не переживай даже. Поверь, я уже изучила, что может расстроить моего мужа, а что нет.

– Ты замужем за Артемом? – Удивление скрыть не вудается. Шесть лет назад хорошая девочка Света и хулиган Артем не могли пересечься даже случайно. Впрочем, все мы выросли и изменились.

– Да, а что? – Она смеется. Видимо, моя реакция смотрится забавно.

– Ничего. Мне Дэн не сказал.

– Ну, ты же вроде хорошо его знаешь. Он обладает удивительной способностью не говорить важные и очевидные вещи.

С этим не поспоришь. Я рада, что со Светкой так же легко, как и раньше. За пятнадцать минут мы успеваем пересказать все основные события своей жизни и договориться о встрече в каком-нибудь спокойном месте. А потом я понимаю, что неплохо бы найти Дэна. Все же приехали мы вместе.

Красивую блондинку с коктейлем в руке лихо отплясывающую в центре зала на подиуме замечаю издалека. Совсем девчонка. Точно младше меня и основной массы тут собравшихся, причем года на три, если не на пять. С фигурой лицом модели, и в босоножках стоимостью в мою месячную зарплату.

Обычно рядом с таким не очень трезвыми, и совершенно точно отвязными девчонками тусуются мужики. Они летят как мухи на мед, но эта одна. Несколько подружек и жадные взгляды из углов.

Кто она такая? Я невольно наблюдаю за ней. Ну не может быть, что никто не клюнет на симпатичную мордашку и бесконечно длинные загорелые ноги. И точно один парень отделяется от толпы, улыбается и направляется к ней. Но не доходит. Его вылавливает за рукав мой одноклассник Вовка Королев. Что-то говорит на ухо, парень изменяется в лице, сглатывает и косится куда-то вправо.

Там, облокотившись на высокий столик, замер коротко стриженый мужчина в светлой рубашке и темных брюках. Небрежная поза и четкий профиль, который кажется знакомым.

– Марк Воронцов… – узнаю я и иду на встречу. Еще один привет из прошлого.

Правда, когда приближаюсь, не сразу решаюсь сделать последний шаг, потому что мужчина передо мной слабо напоминает того лихого спортсмена, который всегда уделывал Анрюху во всех их сумасшедших экстремальных школьных увлечениях. От симпатичного милого парня не осталось ничего – лицо, шея и руки изуродованы шрамами, а взгляд жесткий и злой. Он обращен на танцующую блондинку. Слова приветствия замирают в горле, и я уже собираюсь уйти, но Марк меня замечает. Он поворачивается, и на миг я вижу его прежнего – светлого мальчишку, который не мог жить без машин и спорта. А потом его забрали в армию, как раз перед тем ужасным летом.

– Есения? – Он улыбается открыто и обезоруживающе. – Ты же уехала отсюда.

– Да. – Я кивнула. – Пришлось вернуться ненадолго. А ты служил…

– Недолго, – хмыкнул он. – Получил подарки, – он указывает на шрамы. – И вот я снова здесь. Этот город так просто не отпускает.

После этих слов он снова отворачивается и бросает взгляд в сторону девушки. К ней уже успел подойти какой-то парень и тянется рукой к обнаженной ноге. Блондинка лениво отмахивается от него, задевая босоножкой. Но парень настойчив. Правда, ровно до тех пор, пока не ловит взгляд Марка.

– Прости, – усмехается друг детства, когда становится ясно, что опасность миновала и блондинка снова одна. – Моя жена впервые с рождения нашей дочери выбралась танцевать. Вот приходится бдить.

– Она твоя жена? – пожалуй, это еще более удивительно, чем союз Светы и Артема.

– Что не верится? – ухмыляется он. – Богатые девочки не выбирают изуродованных ветеранов?

– Ой, не прибедняйся! – усмехаюсь я, совершено искренне. – Ты всегда был крут. Не верю, что есть кто-то, кто смог бы устоять.

– Ты всегда умела потешить мужское самолюбие, Есения.

– Но я в шоке. Всегда думала, что тебе нравятся другие девочки.

– Ага, хорошие, правильные ровесницы, – соглашается он. – Но влюбился я вот в это сумасшедшее создание, которое напившись, танцует на столе и заставляет всех мужиков в комнате терять инстинкт самосохранения. Любовь она такая, коварная.

– Да уж… – Я киваю, снова погружаясь в воспоминания. Выбраться из них можно, только если сменить тему.

Еще немного болтаю с Марком. А потом вижу Дэна и машу ему рукой. Он тоже замечает меня, улыбается и, прихватив коктейль, идет навстречу.

Глава 3

Я прощаюсь с Марком и сквозь толпу направляюсь к Дэну.

– Искал тебя, – сообщает он и вручает мне холодный, запотевший бокал с алкоголем.

– Я тоже, но наткнулась на Марка.

– Да уж жизнь его потрепала, – поморщившись, замечает Дэн.

– Но он, вроде бы, счастлив. – Я пожимаю плечами.

– Ну насколько можно быть счастливым, когда твой тесть – Самбурский.

– Кто? – У меня даже коктейль идет носом. Перед фразой Дэна я успела сделать глоток. Не знаю, как сейчас, но шесть лет назад этим именем пугали всех добропорядочных бизнесменов города. Да и недобропорядочных тоже. Марк смертник, если решил приударить за его дочерью. Впрочем, о чем я? У них уже ребенок.

– Марк – крут, – резюмирую я.

– Он всегда таким был – крутым, без головы и инстинкта самосохранения. Может, поищем более тихое место? – предлагает Дэн, и я согласно киваю. Уходить еще вроде бы рано, но общаться в толпе некомфортно.

Получив мое согласие, Дэн выдвигается вперед и ведет меня этажом выше на еще один ярус открытой террасы. Тут нет людей, и отчётливо чувствуется теплый ветер.

Я облокачиваюсь и смотрю в чернеющую даль. Отсюда слышно как шумит море. Когда-то мне нравился этот звук, а сейчас уже нет. Он будит воспоминания, которые я хотела бы навсегда изгнать из своей памяти.

Дэн останавливается рядом и лениво пьет алкоголь из своего бокала. Если у меня что-то девчачье-розовое, то у него похоже ром с колой.

Все же он невероятно притягателен. Жаль, что не удалось увидеть Андрея таким. Я знаю, это не те мысли, которые должны возникать в голове. Неправильно примерять на Дэна образ его умершего брата, но я не могу иначе. Долгое время братья были для меня одним целым, а потом Андрей стал всем.

Сейчас стоять рядом с Дэном тяжело, потому что он мне нравится. Не воспоминания, а тот мужчина, который смотрит на меня с грустной улыбкой. Меня завораживают его синие глаза и жесткие ресницы, пряный травяной запах его туалетной воды. Мне нравится треугольник загорелой кожи в вороте рубашки и рельефные мышцы рук. Дэн совершенен, но я не понимаю свои чувства и не могу решить, что меня цепляет. Он или прошлое, неожиданно оказавшееся так близко. Я любила Андрея и вот рядом со мной его ожившая повзрослевшая копия, глупо рассчитывать, что сердце не дрогнет. Но насколько это справедливо по отношению к выжившему брату?

Как хорошо, что Дэн не в курсе моих мыслей. Он непринужденно рассказывает о своей работе, улыбается искренне, и мое сердце начинает стучать быстрее. Я почти залпом выпиваю коктейль и отставляю в сторону стакан. В голове немного шумит. То ли прибой, то ли алкоголь. Море всегда делало меня немного сумасшедшей. Я и забыла каково это, попадать под его влияние.

Не знаю, в какой момент я оказываюсь к Дэну так близко. И совсем точно не понимаю, как получается, что мои губы тянутся к его губам. Это величайшая глупость в моей жизни, но несколько коктейлей, южная ночь и такие знакомые глаза делают свое дело. Не знаю, хочу ли я новых ощущений или на минуту желаю вернуться в прошлое и забыть, что рядом со мной другой.

Я не ожидаю, что Дэн мне ответит. Сильные руки сжимаются на талии и жесткие, требовательные губы сминают мои. Это разряд молнии прямо в сердце, мучительно-нежные, горькие ощущения на грани со сладковатым запахом колы и рома. Я готова сойти с ума. Мой мир безумен, особенно сейчас. Мысли о прошлом выветриваются, и я захлебываюсь в пронизывающей страсти. Она сметает в один миг, заглушая голос разума и стыд. Кровь стучит в висках, и из горла вырывается хриплый стон. Я не подозреваю, что может быть так – остро и шокирующе. Это не невинный случайный поцелуй двух заигравшихся друзей.

Обжигающие губы, сильное тело рядом – это совсем незнакомый мне Дэн, поражающий воображение и пугающий, совсем непохожий на себя прежнего и совсем не похожий на… Андрея? Имя, как ушат холодной воды. На меня обрушиваются липкий стыд и сожаление.

Боже, как неправильно сравнивать! Как неправильно поступать подобным образом! Да что же творится у меня в башке?! Так нельзя. Кажется, эта мысль приходит нам в голову одновременно, и мы отскакиваем друг от друга. В его синих глазах полыхает злое пламя, а грудь мощно вздымается. Дэн возбужден, как и я. Этот поцелуй – огромная ошибка. Его не должно было случиться, и уж точно, он не должен вызывать такие эмоции.

– Прости…прости… – шепчу я. – Я не должна была…

– Не должна, – соглашается Дэн и смотрит зло. – Не делай так больше, Есения…мой брат умер. Не нужно пытаться вернуть его. Особенно, используя меня.

– Я не… – Качаю головой.

– Хочешь сказать, ты не пыталась сейчас его вернуть? Хотя бы на миг. Хочешь сказать, ты целовала меня? Я никогда не был тебе интересен. Не стоит врать.

– Дэн…

Сглатываю, но не пытаюсь оправдаться, потому что он прав. Да, все именно так. Алкоголь затуманил мозг. Я совершила глупость и уже жалею, но вот губы горят именно от его поцелуя.

– Еще раз прости, не знаю, что на меня нашло.

– Ты просто видишь не меня…

На его скулах ходят желваки. Дэн злится, но пытается держать себя в руках. От этого еще больнее. Я и не подозревала, сколько всего между нами. Невысказанного, накопившегося. Тугой комок боли, который не получится распутать за один разговор. А поцелуй лишь все усложняет. Делает

невозможным дальнейшее общение.

– Я понимаю, тебе больно. Но не используй, пожалуйста, меня для того, чтобы создать себе иллюзию, – просит Дэн. – Это нечестно. Ни по отношению ко мне, ни по отношению к нему. Ты же знаешь.

– Я не уверена, что сейчас целовала Андрея… – тихо шепчу я. – Точнее точно уверена, что целовала не его…

– Не ври хотя бы себе, – жестко бросает Дэн, и я прикрываю глаза.

– Говорю же, прости…давай спишем все на алкоголь?

– У тебя все просто.

– Нет! Не просто! – Я злюсь и давно бы перешла на крик, если бы не понимание, что мы на верхнем ярусе террасы, а внизу, уровнем ниже, люди и вечеринка в самом разгаре. – Именно поэтому я не появлялась здесь столько времени! Потому что ничего простого нет! Дэн, ты мне дорог. До сих пор дорог и всегда был для меня самым близким другом.

– Которого ты благополучно выкинула из жизни на шесть лет. Грош цена такой дружбе, Карамелька. Ты вычеркнула меня, не отвечала на сообщения, но явившись через шесть лет, в один день умудрилась вывернуть душу! Зачем было усложнять? Скажи мне?

– Зря я сюда пришла! И приехала зря, – раздраженно бросаю я и направляюсь прочь с балкона, но Дэн ловит меня за руку и привлекает на секунду к себе. Глаза в глаза, губы в губы. Его жесткие черные ресницы такие длинные, что мне снова, как и в детстве, завидно.

– Знаешь, – говорит он. – Когда-то я завидовал Андрею. Я хотел, чтобы ты была моей. Но ты выбрала его изначально. Так вышло, я смирился. Но я никогда не пытался занять его место. Никогда. И тем более, не стану этого делать после его смерти. Даже если ты сама сделаешь шаг навстречу.

– Но ведь это неправда, – сжав зубы, выдыхаю я, и опускаю взгляд, потому что смотреть в его синие глаза совершенно невозможно. Высвобождаюсь не то из объятий, не то из хватки и отступаю на шаг. – Мы ведь уже целовались Денис, и ты прекрасно это знаешь.

Наверное, это удар ниже пояса. Но между нами столько недомолвок и лжи, что, может быть, стоит прояснить хоть один момент?

– Что? – Он обескуражен, смущен и зол, куда уж без этого. Злость теперь всегда рядом с ним. Но я уверена, он помнит тот единственный раз, когда целовал меня вместо брата. – Хотя… ты ведь никогда нас не путала.

Дэн отворачивается. И мне страшно смотреть на его лицо. Пожалуй, разговор и без этого тяжелый. Не стоило усугублять. Но иногда я люблю ударить под дых. Думала, давно справилась с этим дурацким качеством. Но нет. Дэн всегда вытаскивает наружу меня настоящую. А я, видимо, еще та стерва.

– Так зачем же ты тогда целовала меня, Есения? Азарт? Интерес? – невесело хмыкает он. А меня отпускает. Мне снова стыдно. Злость и желание доставить боль отступают, но поздно. Я уже подняла эту тему. – Тогда твой поцелуй…он вывернул меня наизнанку. На какой-то миг я, и правда, решил, что ты пришла ко мне. Слышать его имя было больно.

– Прости. – Мне действительно жаль.

– Но знаешь, я мог поверить в случайность. Было темно, а нас и на свету часто путали. Я долго винил себя за то, что поступил нечестно по отношению к брату, к тебе, но, оказывается, нечестно тогда поступила ты, а не я.

– Нет, Дэн. – Я, взяв себя в руки, подхожу ближе. – Тогда я действительно обозналась. Первый и последний раз приняла одного из вас за другого. О том, что я поцеловала не того брата поняла гораздо позже… не в тот момент, когда назвала тебя его именем. Но спустя время, что я могла сделать? Прийти к тебе и извиниться? Сказать ему и извиниться? Я предпочла сделать вид, будто поцелуя не было. Мне тогда было шестнадцать, Дэн. И хочу напомнить, ты сделал то же самое. Хотя ты, в отличие от меня, изначально понимал, кого именно целовал.

– И как же ты догадалась, что целовала не Андрея?

Я закусываю губу и прикрываю глаза. Я не хочу об этом вспоминать, я хочу выкинуть прошлое из головы. Забыть обо всем. И поцелуй с Дэном Ланцовым точно этому не способствует, ни прошлый, ни настоящий.

– Есения, я жду ответ.

– Твой поцелуй, он был другим…

– И каким же?

«Наполненным любовью» чуть не ответила я, но вместо этого тряхнула волосами и покачала головой.

– Нет. Я не хочу об этом говорить. А сейчас прости, мне надо возвращаться, твоя мама будет волноваться.

– Я тебя отвезу.

– В этом городе, что перестали ездить такси? – хмыкаю я. – А ты пил.

– У меня есть водитель, Карамелька, – отзывается Дэн с ухмылкой. В его глазах еще боль, но парень уже взял себя в руки. Он всегда умел быть сдержанным и скрывать свои чувства.

– Ну, кто бы сомневался? – Я злюсь. На Дэна с его водителем, на себя, на обстоятельства. – Но нет, спасибо. Я доберусь.

– Я попрошу Сашу отвезти тебя. Хорошо? Почти такси, только я знаю, кто за рулем. Так пойдет?

– Да. – Я киваю. – До свидания, Дэн… – говорю очень тихо.

– Почти «прощай», Карамелька,– с укором отзывается он. Я не отрицаю. Так надо. Прошлое не стоит ворошить. Это бессмысленно и больно.

– Так и есть. Несколько дней – и я уеду. Не думаю, что нам стоит видеться…

– Даже не съездишь к нему на могилу.

– Я найду, кто меня отвезет.

– Ну, конечно… – Он хмыкает и отворачивается.

– Я не понимаю тебя! Ты вылил на меня столько… – Я сжимаю зубы. – Ясно дал понять, чтобы я держалась подальше. И Дэн, это правильно. Действительно, правильно, но когда я пытаюсь сделать ровно то, что ты просил, ты снова злишься. Я не знаю, что ты хочешь?!

– И я не знаю, Карамелька, – с болью в голосе признается он, я хмыкаю и двигаюсь к лестнице, а он замечает мне в спину. – Но я точно знаю, чего не хочу. Как бы я ни любил брата, но быть отражением покойника…нет, на это я не подписывался. Думаешь, я не знаю, что ты видишь? Ты видишь, каким бы он был, если бы остался жив…

– Это твои личные тараканы. Не приписывай их мне. Может, другие это видят, но не я.

Он молчит, а я все же ухожу. Приезд в этот город… он оказался сложнее, чем я предполагала.

Дэн

Черт! Ударяю ладонями по перилам и закрываю глаза. Я подозревал, что будет сложно, но так? Зачем она целовала меня? Зачем рассказала о том нашем, самом первом поцелуе, которого не должно было случиться? Я думал, что она так и не узнала правду. А Есения давно все поняла, и это мне не нравится. Как же хочется напиться и выкинуть из головы всю хрень! Андрея нет уже шесть лет, и я почти научился жить без него, но Есения вернула все в один миг. И нашу с ним дружбу, и нашу зависимость друг от друга и, наверное, соперничество, которое мы старательно игнорировали. Какое соперничество может быть между братьями похожими как две капли воды? Он мог в один момент стать мной, а я получить все, что было у него. Все, кроме Есении.

Я не отказываюсь от вспыхнувшего желания и напиваюсь. И наплевать на то, что завтра будет мучать похмелье. В конце концов, я не так часто позволяю себе подобное, а потом, почти в невменяемом состоянии велю водителю отвезти меня к Жене. Ее квартира на четвертом этаже обычной пятиэтажки в старом районе города. В окнах уже нет света, и я долго сижу и всматриваюсь в них, словно жду, когда там, в темноте мелькнет силуэт. Только вот почему-то я ожидаю увидеть не ее, и это настолько иррационально и неправильно, что я готов крушить все, что попадется на моем пути. А еще я понимаю, что Женя не сможет успокоить злость и удовлетворить желание. Не сегодня, не сейчас. Я не могу позволить себе подняться к ней и думать о другой. Сегодня не могу гарантировать, что не прошепчу чужое имя в самый неподходящий момент. Женя, конечно, простит. Она прощает все, но это неправильно. Я до сих пор помню, как сильно ранит чужое имя из уст того, кому ты готов отдать душу. Даже если это имя твоего брата.

– Приходила Есения.

– Да ты что? – Брат валяется на диване, закинув ноги в ботинках на подлокотник, и играет во что-то в телефоне.

– Искала тебя…

– И? Что ты ей сказал?

– Она думает, что нашла… – Я беспечно пожимаю плечами, стараясь изо всех сил не показать, что до сих пор чувствую себя погано.

– Надо же, как интересно?! – Андрей подскакивает и щурится. На миг мне кажется, что он злится. Сложно его винить. Нас часто путают, и обычно мы не против. Но это Есения. С ней все по-другому. Мы понимаем это. Оба. – И что было?

Кажется, его голос звучит ровно, и я должен понять, признаться или удержать в себе. Впрочем, любая ложь вылезает наружу. Особенно между нами. Мы не врем друг другу.

– Если что, подыграешь мне завтра,– бросаю я и разворачиваюсь на выход из комнаты.

– Эй! – орет мне вслед Андрей. – Дэн, ты что с ней сделал? Надеюсь, не затащил в постель? Если так, то я тебя придушу! Право первой ночи за мной.

Я замираю и сглатываю. Разговор о сексе и Есении совершенно мне не нравится. Но, с другой стороны, где-то в глубине души я испытываю облегчение от того, что отношения Карамельки и Андрея зашли не так далеко.

– Нет. Я не спал с ней, – успокаиваю брата. – Ты же знаешь, я бы не поступил так с тобой.

– Тогда что?

– Поцелуй.

– Всего лишь поцелуй? – Андрей хмыкает, но я чувствую, что он злится, хоть и пытается не подать виду.

– Не выдай меня. – Это не просьба. Это напоминание. Наше с ним правило, которое он не станет нарушать.

– И как тебе? – спрашивает он, словно не знает, что слова ранят. Впрочем, может, и не знает. Я никогда не говорил о чувствах к ней. А, может, это месть за напоминание о том, что он должен молчать. Андрея понять сложно. Впрочем, подозреваю, и меня не легче.

– Ты, правда, хочешь услышать ответ?

Андрей хмурится и подбирается. Пожалуй, Есения, единственная девушка, которая способна вызвать у нас подобие соперничества. Остальных мы не ревнуем. Смысл? Они все рано не могут отличить, кто именно сейчас с ними. Это, пожалуй, даже забавно.

– Не дергайся. Я никогда не поступил бы с тобой так. Она просто перепутала. Я не успел среагировать и решил не ставить ее в неудобное положение. Вот и все. Не покушаюсь на твою девушку.

– Ты позволил себя целовать и разрешил перепугать, – бросает мне в спину брат укоризненно. – Это Есения, Дэн. Один взгляд. Одно слово. Одна фраза – и она поняла бы, что ошиблась до того, как тебя поцеловала. Но ты этого не сделал.

Я пожимаю плечами и ухожу. Да не сделал, но не говорить же Андрею, что пока не услышал его имя я, с какого-то фига, надеялся, что она пришла ко мне. Вот на это бы, он точно обиделся.

Глава 4

Есения

Меня действительно домой везет водитель, которого вызвал Дэн. Я сижу на заднем сидении спортивной машины и смотрю на ночной город. В голове нет мыслей. Есть только желание закончить как можно быстрее все дела и сбежать отсюда в холодную Москву. Устроиться на привычную неинтересную работу и забыть запах моря на этот раз навсегда. Завести кошку, мужика, совсем непохожего на братьев, и начать новую жизнь. Я ведь так и не отпустила прошлое. Именно поэтому не позволяла кому-то войти в свою жизнь. Зря. Но теперь я точно все изменю, осталось потерпеть совсем чуть-чуть.

За коном мелькают огни никогда не засыпающего города. Фонари, вывески, иногда отражающая звезды и луну морская гладь – такая черная, что сливается с ночным небом. Мое отражение в стекле словно подернуто дымкой. Я сейчас похожа на призрака. За плечом вижу мелькнувшую тень. Отражение. Длинные ресницы, резкую линию скул и грустную улыбку. Я не сразу даже придаю значение тому, что в салоне авто я не одна. Мы недавно расстались с Дэном и я, признаться, думаю о нем. Только вот внезапно до меня доходит – парень, сидящий рядом, тот чье отражение я вижу в окне машины, несущейся в темноте, моложе. И это не Дэн. Я же никогда их не путала.

– Андрей… – шепчу одними губами и резко разворачиваюсь, чтобы понять – сидение рядом со мной пустое. Никого нет. Никого и не должно быть. Андрей умер много лет назад, а Дэн остался на вечеринке. Мое воображение снова сыграло со мной дурную шутку. От этого становится больно, и сердце сворачивается в груди в тугой комок. Даже дышать больно, а в глазах снова

слезы.

Меня колотит и даже начинает тошнить, потому что я не понимаю, что со мной происходит. Такого не было даже после смерти Андрея. Один эпизод, который можно списать на воображение и потом несколько спокойных лет. Но стоило мне вернуться сюда, я оказалась в аду. Нужно уезжать, как можно быстрее, а то я просто тронусь умом.

К счастью, родители Дэна уже спят. Я не очень трезва, расстроена и не хочу ни с кем встречаться. Горячий душ помогает немного прийти в себя. Я как мантру повторяю, что в машине мне просто привиделось и в это легко поверить. Такая версия правильная и логичная. И даже почти удается не вспоминать губы Дэна, ласкающие мои. Может быть, мне так сильно понравилось, потому что я сто лет не целовалась ни с кем? И совершенно неважно, что целовал меня парень слишком похожий на бывшего! Почему же так сложно?! Как прогнать призраков прошлого и начать жить заново?

Мне стыдно перед Денисом и за поведение, и за мысли и за собственные эмоции. Я не хотела, чтобы вышло так. Мне всегда было легко с ним, я чувствовала себя спокойно и уверенно. Могла говорить обо всем. Он действительно был лучшим другом. И я прекрасно знала – поцелуи дружбе вредят. Но чертова импульсивность! Вместо того, чтобы вернуть потерянную дружбу я все испортила.

С утра меня будит звонок Светки, которая вообще непонятно зачем встала в такую рань. Первый раз я раздраженно отклоняю, потому что восемь утра после вечерники – это так-то ни разу не вежливо. Но подруга настойчива. Приходится брать трубку.

– Свет, вот, если ты сейчас не назовешь мне какую-то вескую причину, то я тебя нецензурно пошлю, – бурчу я сонно, даже не пытаясь скрыть зевки. – Блин, восемь утра же!

Голос подруги испуганный, глухой и, кажется, она сейчас сорвется на истерику.

– Сень, ты сегодня в «инсту» заходила?

– Боже, Света, нет, конечно же. Я тебе скажу больше: я и вчера не заходила.

– Зайди. – Она сглатывает и молчит. – Я не звонила Дэну. Думаю, лучше, если ему скажешь ты.

– Да что случилось-то?

– Просто зайди в инсту, – велит она и отключается. Я какое-то время смотрю на телефон у себя в руках. Понимаю, что сон как рукой сняло и с нехорошими чувствами открываю инстаграм. Мне не нужно много времени, чтобы понять, какой именно пост вывел Светку из равновесия, потому что я сама радуюсь, что лежу, иначе бы, наверное, свалилась.

Сердце падает в желудок и руки начинают дрожать. И дело даже не в фото, на котором мы целуемся с Дэном на фоне заката, а в том, с чьего аккаунта оно отправлено. @Dron93 – это аккаунт, фотографий на котором не было целых шесть лет. Аккаунт Андрея. Подпись под фото символична. «Когда братья похожи, их так легко перепутать».

Дэна точно нет в инстаграме, но ему может кто-то сказать. Нельзя, чтобы это была не я, а кто-то другой. И очень хочется верить, что Ирина Алексеевна не изменила привычкам. Шесть лет назад она если и вела инстраграм, то не была подписана на Андрея. Нужно срочно разобраться, что там такое, пока об этом не стало известно всему городу.

Я понимаю, насколько сильно меня вывел из равновесия пост в инстаграме, когда влезаю в шорты. Застегнуть ряд пуговиц на животе получается только с пятой попытки. Руки дрожат, как у заправского алкоголика. Даже ночной кошмар вылетает из головы. Потому что кошмар в реальности намного сильнее пугает, чем плоды больного воображения.

Стараюсь привести в порядок лицо, понимаю, что вид у меня все равно помятый и не выспавшийся. Я не отношусь к тем девушкам, которые на утро после вечеринки так же хороши, как были перед ней. Волосы снова забираю в высокий хвост и захватываю солнечные очки. С ними, надеюсь, стану выглядеть несколько приличнее. Моя и без того слишком бледная на фоне местных кожа, сейчас вообще кажется голубоватой.

Внизу пьют кофе Ирина Алексеевна и Игорь Дмитриевич. По их неторопливому разговору, улыбкам и общей атмосфере спокойствия, понимаю, что они ничего не знают. Это хорошо, главное, чтобы это продолжалось, как можно больше. Мне не хочется, чтобы они снова испытали ту боль.

– О, ты так рано, Есения! – удивляется мама Дэна. – Неужели плохо спалось?

– Дела, – отвечаю я и словно невзначай спрашиваю.

– А где сейчас работает Дэн?

Устраиваюсь на свободный стул и наливаю себе кофе из кофейника. На миг смущаюсь, все же в чужом доме, но на мой естественный жест никто не обращает внимания. Удивительно, прошло шесть лет, а я до сих пор чувствую себя тут как дома, и относятся ко мне как к своей.

– А он не говорил? У него своя фирма.

– Это говорил. Я спрашиваю, как найти его офис или где он там работает?

– А ты к нему собралась? – спрашивает Ирина Алексеевна с излишним энтузиазмом, от которого становится неловко. Все же я встречалась с другим ее сыном. Не хотелось бы об этом забывать.

– Просто кое-что вчера у него забыла в машине. Документы…. – вру я. – А у меня встреча с риэлтором.

– Ну, так я тогда тебя отвезу, – говорит Игорь Дмитриевич.

– Не переживайте, я доберусь сама. Вы мне только адрес скажите.

– Мы работаем по соседству. Все же предприятия дочерние и офисный центр у нас в одном здании. Так что не переживай. Нам по пути.

Я, признаться, испытываю облегчение. Не уверена, что способна запомнить даже адрес. Самое сложное это улыбаться и поддерживать разговор с отцом Дэна. Я просто обескуражена и мыслями возвращаюсь в то утро, когда узнала о смерти

Андрея. И это страшно. Я переживаю тот момент заново. Начинает тошнить от скопившихся где-то в глубине души слез, которые я не могу позволить себе сейчас показать. Не здесь, не в машине рядом с их отцом. Я сделаю все возможно, чтобы они не нырнули снова в ад тех дней. Жаль только не получится оградить от этого Дэна.

Я пытаюсь прогнать воспоминания, я не хочу их. Они так мучительны, что даже сейчас хочется выть, но у меня не выходит отстраниться, и я проваливаюсь в прошлое, как в бушующие волны моря.

– Господи, Есеньюшка! – Из сна меня выдергивает взволнованный голос бабушки. И я мысленно стону. Ночь была ужасной и долгой, и просыпаться я не хочу, а еще наивно предполагаю, что хуже быть уже не может. Дура.

– Что случилось, ба? – сонно интересуюсь я, не теряя надежды, что от меня отстанут, и я смогу еще немного полежать. Уснуть уже не получится, я знаю.

– Андрей… – срывающимся голосом произносит бабушка. А я, наконец, разлепляю глаза и недовольно смотрю на нее. В сердце замирает, когда я замечаю на ее загорелых щеках слезы.

– Что с Андреем? – спрашиваю я, окончательно просыпаясь и присаживаясь на кровати.

– Он… – бабушка сглатывает. Прикрывает на миг глаза и срывающимся голосом произносит. – Он… утонул, Есеньюшка…

– Что? – шепчу немеющими губами, сильнее сжимая в руке телефон, который всю ночь провалялся рядом со мной на подушке.– Он же плавает как рыба. Он не мог утонуть!

– Его… – бабушка не таясь плачет, а мои глаза сухие. Я просто не осознаю происходящее. – Его нашли сегодня утром под утесом. Тело прибило к берегу…

Я не могу ничего сказать. Телефон вибрирует в руке сначала один раз, потом еще, но я не открываю. Какое мне дело до сообщений, которые падают в него. В нем есть лишь одно важное. То, которое мне послал Андрей в три ночи, и то

которое я проигнорировала.

«Ты нужна мне, Карамелька» последний прощай от моей первой, трагически закончившейся любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/oduvalova_anna/otrazhenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити